

Стокгольмский синдром Трампа

Переговоры между США и Северной Кореей закончились провалом. А времени на выработку предложения по денуклеаризации остается все меньше.

Читайте эту статью на немецком / английском языке

Четвертого октября, после семимесячного затишья, США и Северная Корея подвели итоги рабочих дискуссий по теме ядерного разоружения. Прозвучавшее на следующий день заявление Северной Кореи о провале данных переговоров разнесло в пух и прах это долгожданное и чрезвычайно важное событие. Это не предвещает ничего хорошего для тех лихорадочных дипломатических потуг, которые предпринимались на корейском направлении в последние 20 месяцев. Реальность такова, что Пхеньян обозначил январь 2020 года как крайний срок для достижения прогресса, по истечении которого Северная Корея намерена вернуться к агрессивному и дестабилизирующему поведению. С учетом данного обстоятельства, как же нам следует понимать факт неудачного возобновления переговоров по ядерному разоружению?

После провального саммита в Ханое с участием Трампа и Кима в феврале этого года переговоры о ядерном разоружении между США и Северной Кореей не отличались позитивными дескрипторами: заблокированы, зашли в тупик, застопорились, прекращены, пробуксовывают. Если говорить на официальном языке, то все это правда. И даже показательная июньская встреча между Трампом и Кимом в демилитаризованной зоне между двумя Кореями не породила того импульса, который бы вернул в нормальное русло переговоры на уровне рабочих групп. Но для понимания стокгольмского провала важно осознавать характер участия Пхеньяна в переговорном процессе за последние семь месяцев официального затишья.

Во-первых, официальное молчание Пхеньяна само по себе красноречиво. Тот факт, что Северная Корея воздерживалась от официальных комментариев по поводу возможного возобновления официальных переговоров, хотя Вашингтон и Сеул неоднократно

заверяли, что начало этих переговоров является делом «нескольких недель», (а) подчеркивает неудовлетворенность Кима американским предложением на Ханойском саммите и (б) свидетельствует о том, что Пхеньян не ощущает на себе никакого давления (экономического или какого-либо еще), которое побудило бы его вернуться к переговорному процессу. Официальное молчание Северной Кореи стало признаком ее убежденности в том, что время работает на нее, а также признаком того, что только четко осчитанная позиция силы побудит ее вернуться к переговорному процессу.

Во-вторых, произведенная Северной Кореей серия запусков ракет и летательных аппаратов с ракетными двигателями, кульминацией которой стало успешное испытание 1 октября новой баллистической ракеты морского базирования средней дальности, стало недвусмысленным сигналом для американских переговорщиков: Пхеньян никогда полностью не откажется от своей программы в области ядерного вооружения, а любая попытка настаивать на этом сценарии при заключении сделки заранее обречена на провал.

В-третьих, и это особенно важно в контексте стокгольмского коллапса, пусть даже Пхеньян и отказался вести официальные переговоры на протяжении последних семи месяцев, но он продолжал давать пространные комментарии в неофициальном порядке: имел место поток разглаговольствований с критикой «враждебного политического курса» Южной Кореи и США, с выражением неудовлетворения в сторону американских переговорщиков и должностных лиц, а также с попыткой убедить США в необходимости создания нового метода расчетов для всего комплекса проблем, связанных с ядерным разоружением, послаблением санкционного режима и гарантиями безопасности. Это были допереговорные переговоры – попытка обеспечить себе рычаг влияния и сформировать собственную повестку дня для будущих переговоров. Принципиальное значение имеет то, что, как следует из информационных посылов Северной Кореи в отношении этих переговоров, «новый метод расчетов» потребует от США уступок в отношении мероприятий, которые Пхеньян уже осуществил на протяжении 2018-2019 годов: уничтожение ядерного полигона Пунгери, демонтаж пусковых установок на космодроме Сохэ и мораторий на испытание ракет большой дальности. Команда спецпредставителя США по Северной Корее Стивена Бигана не оправдала ожиданий Пхеньяна в отношении «нового метода расчетов». Северокорейцы поспешили откланяться.

И это печально. На протяжении всего периода переговорного застоя с февраля по сентябрь США, закрывая глаза на северокорейские

ракетные испытания, не уставали выражать Пхеньяну свою готовность к возобновлению переговоров – как через СМИ, так и посредством неофициальных каналов. Вашингтон долгое время сигнализировал о своей открытости к частичной поэтапной сделке, не настаивая на принятии глобального решения по ядерному разоружению. Подобное упорствование стало решающим фактором в провале Ханойского саммита. До этого саммита официальные представители Северной Кореи и ее новый главный переговорщик Ким Мён Гиль были склонны выражать больше оптимизма по поводу возобновившихся переговоров. Теперь же от всех этих надежд не осталось и следа.

Дальнейшие шаги: три сценария

Как обстоят дела на данный момент? Существует как минимум три возможности:

Первый, оптимистический сценарий заключается в том, что Северная Корея продолжит блефовать в поиске рычага влияния и вернется к переговорному процессу в ближайшие несколько недель – с таким предложением выступила Швеция, и оно получило одобрение со стороны США. Элементарно доказывается, что Вашингтон и Пхеньян ни на йоту не продвинулись вперед: по-прежнему нет единого определения для ядерного разоружения, не говоря уже о «дорожной карте» по его наработке. И все же несмотря на дилетантский характер дипломатии между США и Северной Кореей в последние 20 месяцев, обе стороны пришли к общему пониманию соответствующих приоритетов. Таким образом, если Пхеньян вернется к переговорам, то Вашингтон уже не останется с пустыми руками. Накануне стокгольмской встречи интернет-портал Vox сообщал о том, что США готовы выступить с предложением о приостановке на 36 месяцев отраслевых санкций ООН, наложенных на экспортируемые Северной Кореей текстиль и уголь, в обмен на «подтвержденное закрытие ядерного центра в Йонбёне и другие меры, которые с высокой вероятностью приведут к прекращению северокорейской программы по обогащению урана».

Это стало бы модифицированной версией предложения «Йонбён плюс альфа», которое США озвучили в Ханое. Принципиально важным – при условии правдивости сведений об этом предложении – является то, что данное предложение стало отправной позицией для США, обозначив пространство как для сокращения запросов США в обмен на соразмерную приостановку санкционного режима, так и для сохранения американских запросов в полном объеме с

одномоментным выдвиганием более привлекательных условий приостановки санкционного режима. Также просочилась информация о том, что США не против поразмыслить над частичным возобновлением туризма в регионе Кымгансан.

*Вряд ли Стокгольм
станет последним танго
для США и Северной
Кореи в их ядерной
дипломатии, но стрелки
часов неумолимо
движутся вперед. Самое
время ударить в гонг и
объявить о начале
второго раунда.*

В рамках этого сценария центральным вопросом является то, предоставит ли Ким Чен Ын членам своей делегации достаточные полномочия для ведения содержательных переговоров. Такого не наблюдалось на предыдущих встречах в формате рабочих групп, где в значительной мере откладывались в сторону дискуссии о сложных компромиссах в треугольнике «ядерное разоружение – санкции – безопасность». Вместо этого внимание концентрировалось на проведении саммита с участием государственных лидеров. Время покажет, будет ли у Ким Мён Гиля реальная возможность взаимодействовать со Стивеном Биганом по существу поднятых вопросов или же его полномочия сведутся к роли посредника в рамках третьего саммита между Трампом и Кимом.

Если все останется, как прежде, то важнейший вопрос сведется к тому, есть ли у Пхеньяна такое понимание масштабов, этапности и пошаговой реализации, контроля, обеспечения выполнения договоренностей и достижения конечной стадии ядерного разоружения, которое позволило бы найти точки соприкосновения с приемлемыми для Вашингтона вариантами. Американскую сторону не упрекнешь в дефиците планов по достижению компромиссов в треугольнике «ядерное разоружение – санкции – безопасность». Тут уместно вспомнить и о модифицированном «Йонбёне плюс альфа», и о схемах достижения договоренностей на пропорциональной основе и т. д., но нет особых оснований утверждать, что Пхеньян заинтересован в осуществлении ядерного разоружения той ценой и в тех масштабах, которые приемлемы для Вашингтона.

Вторая возможность заключается в том, что в процессе переговоров Северная Корея ощущает к себе более чем серьезное отношение как де-факто существующей ядерной державе, а потому убеждена, что время и принуждение к послаблению санкционного режима работают ей на пользу, благодаря чему торжество ее

максималистской позиции становится весьма вероятной перспективой. При таких раскладах Пхеньян по сути вернется к переговорам только в том случае, если их предметом станет послабление санкционного режима в порядке компенсации за уже принятые меры и если главный акцент переговоров будет все сильнее уходить от вопроса ядерного разоружения, который негласно будет отложен в долгий ящик, в сторону контроля за вооружениями (поднято на поверхность дорогой ценой). Не исключено, что США будут рассматривать этот сценарий как наиболее реалистичный вариант (меньшее зло), закрывая глаза на все сопряженные с ним риски в области безопасности и распространения ядерного оружия. Вхождение в переговорный процесс на подобных условиях станет постыдной уступкой со стороны США, но Белый дом Трампа не останавливается даже перед большими жертвами ради победы на выборах.

Третья возможность сводится к тому, что Пхеньян и Вашингтон будут по-прежнему недооценивать решительность намерений противоположной стороны и переоценивать свои собственные позиции. Если обе стороны не пойдут на уступки после переговоров в Стокгольме, то к установленному Ким Чен Ыном крайнему сроку в январе 2020 года США и Пхеньян придут с пустыми руками. Северная Корея продолжит совершенствовать свою ядерную программу и свой ядерный арсенал в количественном и качественном отношении, и возникнет весьма ощутимая вероятность повторения кризиса 2017 года.

Известные неизвестности, или палка о двух концах

Есть как минимум один крупный и непредсказуемый фактор в игре, которая ведется в условиях нынешней патовой ситуации между США и Северной Кореей: над Трампом нависла угроза импичмента в преддверии борьбы за президентское кресло в 2020 году. Есть основания предполагать, что Белый дом будет стремиться к позитивным отзывам прессы по итогам любого саммита, где будет достигнут реальный прогресс по северокорейскому досье. Но устранение Трампа в порядке импичмента может усугубить переговорные позиции команды Бигана. Реакция Северной Кореи на затруднительное положение Трампа также остается загадкой: Пхеньян может как потирать руки в предвкушении слабости Белого дома, так и ударить по тормозам, исходя из предположения, что любой вариант сделки не застрахован от полной ревизии со стороны команды нового американского президента.

В январе истекает установленный Кимом крайний срок для

достижения прогресса в переговорах по ядерному разоружению, и это тоже палка о двух концах. Это полезная тактика для оказания давления на любой политический лагерь в США, которому нужна победа на выборах. Однако это связывает руки в том числе и самому Киму, поскольку провал с заключением сделки вынудит его либо выполнить свое обещание пойти на опасное обострение, когда каждый выберет «свой путь», либо – если по достижении крайнего срока не последует никакой реакции – смириться с падением уровня доверия к себе.

Вряд ли Стокгольм станет последним танго для США и Северной Кореи в их ядерной дипломатии, но стрелки часов неумолимо движутся вперед. Самое время ударить в гонг и объявить о начале второго раунда.

Мейсон Ричи

Сеул

Мейсон Ричи (Mason Richey) – профессор международной политики
Университета иностранных языков Хангук в Сеуле.

